

CONSTRUCTIVENESS AND
DESTRUCTIVENESS IN CULTURAL
CREATIVITY AS THE HUMAN SELF-
IDENTIFICATION (EXPLICATION OF
SOME METHODOLOGICAL IDEAS
OF J. BURCKHARDT)

E.E. Shcherbina-Yakovleva, Doctor of Philosophy,
Full Professor
Sumy State University, Ukraine

The author offers to expand the understanding of human destructiveness, and to explicate this concept from the realm of psychoanalysis into the field of integral research of human world-attitude. An integral approach to the study of destructiveness requires its comparison with the phenomenon of constructiveness. The destructiveness and constructiveness are the active factors of cultural and creative self-identification of a person.

Keywords: destructiveness, constructiveness, world-attitude, world-attitude structure, world-attitude typology, social and cultural self-identification of a person.

Conference participant

КОНСТРУКТИВНОСТЬ И
ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В
КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВЕ КАК
САМОВЫЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
(ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ
Я. БУРХАРДА)

Щербина-Яковлева Е.Е., д-р философ. наук, проф.
Сумской государственной университет, Украина

В статье предлагается расширить представления о человеческой деструктивности, а также эксплицировать это понятие из сферы психоанализа в сферу интегрально-научного исследования человеческого мироотношения. Интегральный подход к изучению деструктивности требует ее сопоставления с феноменом конструктивности. Деструктивность и конструктивность выступают активными действующими факторами культуротворческого самовыявления человека.

Ключевые слова: деструктивность, конструктивность, мироотношение, структура мироотношения, типология мироотношения, социокультурное самовыявление человека.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i10.1580>

Человек, с точки зрения конкретных наук и философии, остается одним из наиболее сложных объектов исследования. Социокультурное развитие человечества и индивидуума – процесс сложный, многоуровневый и противоречивый. С одной стороны, этот процесс детерминирован объективными исторически заданными природно-экологическими, материально-экономическими, социальными, культурными факторами. С другой стороны, становление и эволюционирование человеческих сущностных социальных и культурных свойств имеет внутренние, далеко еще не полностью вскрытые и изученные субъективные детерминанты. Значительная их часть связана с биофизиологической, психофизиологической, когнитивно-психологической, психологически-праксеологической сторонами жизнедеятельности человека. Все эти сферы человеческого бытия чаще всего поддаются лишь опосредованному научному исследованию. Между тем изучение истории общества в таких ее аспектах, как развитие материальной и духовной культуры, социальных отношений, форм власти, государства, гендерного поведения, семьи, реализующееся без опоры на глубинные методологии, не дает иного продук-

та, кроме ограниченной хронологии и безграничных описаний отдельных событий и фактов.

Одним из продуктивных методологических «глубинных» концептов, открывающих пути к новым уровням понимания сущности человека и перспектив его социокультурного самосо осуществления, является представление о единстве конструктивных и деструктивных форм мироотношения. Идея конструктивности как выражения сущности человека более всего выражена в идеологии и философии эпохи Модерна. Она отражена в присвоенном в эту эпоху самоназванию биологического вида *Homo Sapiens*, в обосновывавшихся общеизвестных учениях об историческом прогрессе, а также отчасти в теориях цивилизации.

Но осмысление такого сущностного свойства человека, как деструктивность, по сути дела началось только в XX столетии. С полным основанием заслугу ее «открытия» связывают с именем З. Фрейда, сформулировавшего принципы ее всеобщности, полимодальной направленности, соотносительности со сферой бессознательного. Основателя психоанализа, жившего в последний период господства идей Модерна, можно упрекнуть только в том, что он сам не освободился от

представления о деструктивности как о доразумно- и внеразумно-негативном, болезненно-досоциальном и докультурном, разрушительно-вредоносном в бессознательных структурах психики. В столкновении с прескриптивными и императивными формами господствующей культуры так понимаемая деструктивность почти с абсолютной неизбежностью превращается в невроз [2., 846].

Э. Фромм, углубляя психоаналитические подходы, рассматривает многообразные проявления деструктивности в социокультурной жизнедеятельности человека. Для его концепции характерна трактовка деструктивности как несчастья и абсолютизация ее сходства с жестокостью, вследствие чего она должна быть оценена как тяжелый порок человеческой личности и социума [3, 32].

Деструктивность на протяжении XX – начала XXI столетия неоднократно была предметом исследования культурологов, психологов, психоаналитиков, психиатров, криминологов, социальных педагогов. Поскольку предметом рассмотрения в отраслевых исследованиях чаще всего оказывались девиантные формы поведения, экстремизм, политический и религиозный фанатизм, самоубийства, тя-

желые формы преступности, представленность в общественном мнении отождествления деструктивности с порочностью не сократилась, а скорее расширилась и укрепилась.

Таким образом, развитие представлений о деструктивности в многообразных формах человеческого поведения пришло в противоречие с важнейшими общеметодологическими концепциями, выработанными в ту же самую эпоху: теорией систем и синергетикой в тех их разделах, где проясняются механизмы зарождения, становления и развития новых объектов. Каждый инновационный процесс нуждается в «отодвигании», «преодолении» или уничтожении старого, будь то сферы социальной жизни или проявления культуры. Таким образом, с точки зрения общеметодологических теорий, деструкция как преодоление старого, как инструмент преодоления застоя является необходимостью. В тех социокультурных системах, где действующим субъектом, «актером» является человек, деструкция зачастую – уже не просто объективная необходимость, но и прямо-таки историческая обязанность.

Одной из задач данной статьи мы считаем демонстрацию того, что деструктивность не связана с одним только негативным разрушением всего и вся как таковым. Соответственно, второй задачей является формулировка позиций, направленных на преодоление предвзято-односторонней оценки деструктивности как только вредоносной и опасной формы человеческой деятельности.

Деструкция как форма человеческой деятельности должна пониматься, независимо от предпочтений той или иной социально-гуманитарной отрасли науки, с точки зрения ее системной и синергетической роли, как объективно необходимая, в ее единстве с инновационными, креативными, конструктивными формами. Представления о деструкции в социокультурных системных объектах развиваются и уточняются в категории деструктивности. Если деструкция понята как системообразующий и синергетический фактор, то деструктивность должна быть имплицирована из сферы психоанализа, психиатрии, криминологии и

пр. в сферу философско-антропологического познания. Таким образом, мы видим задачу в осмыслении и аргументации системно-аналитического и синергетически-аналитического подхода к деструктивности как универсальной форме человеческого мироотношения. Такой подход, как сумма универсальных методологических концептов, опираясь на достижения конкретных наук, призван расширить и уточнить методологию психоанализа, до сих пор используемую «по умолчанию», как безальтернативную.

Человеческое мироотношение как реальный процесс интеграции человека во Вселенную и форма его качественного самоосуществления, выступает как многообразие объединяющих и одновременно противопоставляющих человека и мир ментальных и деятельно-практических связей. В мироотношении человечество и индивидум устанавливают единство и различие субъекта и объекта, духа и природы, вещи и ее образа, идеального и материального, индивидуального и социального. Мироотношение есть средство решения проблемных ситуаций, проявляющихся как сфера развития рациональности и иррациональности, конструктивности и деструктивности. Мироотношение есть сфера самоосуществления и отчуждения личности [4, 7-8]. С точки зрения системно-структурного подхода, мироотношение существует как внутрисубъектное системное единство «Образа мира», «Образа Себя» и «Образа практической деятельности» [4, 24-60].

По своему внутреннему содержанию каждый из структурных компонентов мироотношения образуется подсистемами когнитивных категорий и когнитивно-праксеологических концептов [4, 72-90]. И те и другие имплицитно в сферу субъектности в процессе развития и саморазвития социума и индивидуума, как объекты стихийных и организованных человекоформирующих воздействий и продукты социализации и инкультурации [4, 72-90]. По сути дела, мироотношение, его генезис, становление, эволюционирование, бифуркационные потрясения, происходящие в его сфере – это все, что можно узнать и высказать

про человека. Деструктивность должна изучаться с точки зрения ее самопроявления в таких основных сферах самоосуществления человечества, как борьба за доминирование в социальных иерархиях, развитие ценностных систем мироориентации. Компонент сознательного, волевого выбора в этих сферах далеко не столь слаб, как это представлено психоаналитиками, абсолютизирующими сублимацию негативного, факторы суггестивного омассовления, либо технологии под-сознательного группового внушения. От образа безответственного, слабого, невротичного человека, вечной жертвы недружественной к нему культуры, философской антропологии предстоит сделать некоторые шаги к образу «человека выбирающего», «человека решающего», а вследствие этого – способного и обязанного нести ответственность за последствия своей деятельности.

Механизмы субъективного выбора и решения заложены в самой структуре мироотношения. Активная, деятельностная сторона мироотношения имеет своей внутренней детерминантой концептуальные подсистемы. «Концепты» как микропрограммы активности внутренне заложены в каждом когнитивном компоненте, который развивается у здорового человека в процессе социализации и инкультурации, будь то чувственные образы, неоформленные интуитивные представления или рационально выраженные понятия, идеи, теории. Концептуально закрепленные микропрограммы активности могут манифестироваться самыми разными средствами коммуникации, не обязательно вербальными; но эта проблема лежит за рамками данной статьи. В рамках данного исследования принципиально важным является то, что каждый концепт, осознанный или неосознанный, содержит в себе диспозицию – разрешитель и ограничитель возможных форм и пределов активности. При этом диспозиция – не просто «установка» или «предрасположенность» к какому-то виду деятельности, как это излагалось некоторыми авторами (В.А. Ядов и др.). Важнейшая содержательная характеристика диспозиции состоит в том, что в ней

имплицитно, как продукт предваряющей познавательно-ориентирующей деятельности субъекта, содержится результат «измерения», оценивания объекта: «от сих до сих – можно делать...; после сих – нельзя делать...». Эти «можно» и «нельзя» являются важнейшими характеристиками типов мироотношения в целом и выражениями его отдельных черт и компонентов, принципиально значительных с социокультурной точки зрения.

Сформулированный нами подход к пониманию человеческого мироотношения и деструктивности как его необходимого компонента [5] может быть подтвержден и значительно обогащен за счет экспликации некоторых интересных методологических идей, принадлежащих талантливому историку и культурологу Я. Буркхардту.

Продуктивность рассмотрения мировой истории с точки зрения самореализации в ней человеческой воли, желаний, ментальности и деятельности – одна из ведущих идей этого ученого. «...Постоянный и возможный для нас центр – терпеливо переносящий тяготы и страдания, целустремленно ищущий и действующий человек, такой, каков он есть, всегда был и будет; поэтому наше рассмотрение будет до известной степени болезненным» [1, 13], – пишет он. Несомненно, что реализация такого подхода, то есть превращение описательного исторического знания в историко-антропологическую науку превращает историю в сферу увлекательной рефлексии самообнаруживающегося и самопознающего человечества. Эта идея, на современном уровне мышления, должна реализоваться как извлечение из исторических процессов мироотношенческих (ментально-деятельностных, категорально-концептуальных структур, диспозиций волепроявления, детерминантов выбора и решения). По всей вероятности, на этом пути демифологизации, депозитизации и дегероизации истории человечество и индивид узнают о самих себе немало нелицеприятного.

Эту задачу в определенной мере ставит и сам Я. Буркхардт. Абсолютно аргументировано его представление о том, что становление антропоцентричного подхода к истории обязано

начинаться с осмысления потребностной, претензивной природы человеческого мироотношения: «Прежде всего, мы должны задуматься над соотношением двух полюсов — познания и намерений, целей, пристрастий и интересов. Уже в историческом документе наше стремление к познанию часто наталкивается на плотную «изгородь» намерений, пытающихся рядиться в одеяния традиции. Но и помимо этого мы никогда не можем полностью избавиться от намерений, целей и пристрастий нашего собственного времени и нашей личности, и эта-то невозможность и является, быть может, злейшим врагом познания» [1, 18].

Но сущность человека, согласно представлениям этого ученого, не сводима к одним только базовым потребностным ориентациям. Та сторона субъективности, которая в соответствии с характерной для немецкой философии традиции именуется духом, либо более понятным для современного читателя термином «менталитет», гораздо более богата и оригинальна. Человек как продукт природного развития унаследовал многие феноменальные свойства: безудержную любознательность, поисковую направленность, «игривость» поведения, нетерпимость к скуке, наделенность фантазией и изобретательностью, стремление к силовому самоутверждению в социальных иерархических структурах, соревновательность. Я. Буркхардт исходил из предположения, что уровень наделенности такими свойствами с индивидуальной и этнически-групповой точки зрения неоднороден и неоднороден. В силу этого обстоятельства в историческом процессе обнаруживаются «инертные» социумы, которые «служат, видимо, той цели, чтобы сохранять в неприкосновенности определенные духовные, душевные, а также и материальные ценности прошлого и передавать их будущим поколениям как фермент их развития» [1, 222]. Напротив, социумы с большим креативным потенциалом имеют своим историческим назначением разрушать старое и прокладывать путь к новому. Именно они и являются в наибольшей степени носителями «деструктивности» как характеристики мироотношения,

представляющую из себя мощную обновляющую силу, которая «опирается именно на постоянную неудовлетворенность, которая тяготеет всяким достигнутым положением и стремится к новой форме. [1,223]. Большое внимание Я. Буркхардт уделяет тем противоречивым по своим последствиям процессам, когда в горниле истории разрушаются достигнутые в предыдущие эпохи ценности, а им на смену приходит в лучшем случае – нигилизм, в худшем – торжествующий гюбрис. «Более сильный – это далеко не лучший. Что успеха добивается наглец и посредственность, мы можем повсеместно наблюдать и в растительном мире. Но подчиненное положение, в котором находятся благородные в силу их численного меньшинства, представляет в истории большую опасность прежде всего для тех времен, когда господствует чрезвычайно общедоступная культура, дающая все права большинству» [1, 223].

Таким образом, из проведенного нами анализа проблемы можно сделать принципиальный вывод: современная методология осмысления закономерностей существования и развития сложных системных многоуровневых социокультурных объектов не допускает увековечивания их однажды возникших форм. Деструктивность как свойство человеческого мироотношения развивается исторически, во многих случаях реализуется в социальной и индивидуальной креативности и служит инструментом самовыявления или самоосуществления, а также самообнаружения человеческой сущности. Именно вследствие способности к деструктивности развивается такое свойство человеческого мироотношения, как конструктивность; и наоборот. Человечество и индивидuum самопроявляются и самоутверждаются в качестве субъектов, важнейшим свойством которых является способность к конструктивно-деструктивному, либо к конструктивно-конструктивному воплощению в социокультурной среде.

Вместе с тем в вызывающих глубокие ассоциации с проблемами сегодняшнего дня методологических набросках Я. Буркхардта нами усматриваются новые серьезные задачи:

– охарактеризовать проблемы типологизации форм и видов деструктивности в человеческом мироотношении;

– рассмотреть возможность существования и критерии безотносительного исторического зла, которое только и заслуживает названия «злокачественной деструктивности»;

– разработать в соответствии с далеко еще не реализованными намерениями Я. Буркхардта проект, который бы методологически способствовал последовательному научному обсуждению единства и противостояния конструктивности и деструктивности в таких формах человеческого креативного самовыявления, как политика в качестве сферы борьбы за власть и могущество, религия в качестве сферы овладения и манипулирования человеческим духом, нравственная и художественная культура в качестве сферы «свободного» самоосуществления.

References:

1. Burkkhardt YA. Razmyshleniya o vseмирной istorii., Per. s nem. - 2-ye izd. [Reflections on the World History., Translated from German - 2nd edition]. – Moscow.; St. Petersburg., «Tsentr gumanitarnykh initsiativ» [«Humanitarian Initiatives Centre»], 2013. – 560 p. (Seriya «Kniga

sveta» [Series: «The Book of Light»]).

2. Freyd Z. «YA» i «Ono». [«I» and «It»], Zigmund Freyd., Sost. M. Blyumenkrants. – Moscow., Eksmo-Press, Folio, 2002. – 864 p. (Seriya: Antologiya mysli [(Series: Anthology of thought)]).

3. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti., Erikh Fromm [Anatomy of human destructiveness], Transl. from English E.M. Telyatnikova, T.V. Panfilova. – Moskva., AST Publ., 2004. – 635 p. (Philosophy Series).

4. Shcherbina-Yakovleva Ye.Ye. Mirootnosheniye i irratsional'nost' [World attitude and irrationality]. – Sumy., RIO SGPI Publ. named after A.S. Makarenko, 1996. – 13,5 druk. ark. – 229 p.

5. Shcherbina-Yakovleva O.YU. Destruktivnist' yak atribut lyuds'kogo samoviyavlennya: utochnennyya ponyattya i perspektivi naukovikh rozvidok., Filosofiya nauki: traditsii ta innovatsii. Naukoviy zhurnal. [Destructiveness as an attribute of human self-expression: clarification of the concept and prospects of scientific development. Philosophy of science: traditions and innovations. Scientific journal] – No. 2 (12) 2015. – Sumi., Vid. SumDPU im. A.S. Makarenka [Publishing house of the Sumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko], 2015., pp. 152–160.

Литература:

1. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории., Пер. с нем. - 2-е изд. – М.; СПб., «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 560 с. (Серия «Книга света»).

2. Фрейд З. «Я» и «Оно», Зигмунд Фрейд., Сост. М. Блюменкранц. – М., Эксмо-Пресс, Фолио, 2002. – 864 с. (Серия: Антология мысли).

3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности., Эрих Фромм., Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. – М., Изд. АСТ, 2004. – 635 с. (Серия Philosophy).

4. Щербина-Яковлева Е.Е. Миротношение и иррациональность. – Сумы., Изд. РИО СГПИ им. А.С. Макаренка, 1996. – 13,5 друк. арк. – 229 с.

5. Щербина-Яковлева О.Ю. Деструктивність як атрибут людського самовиявлення: уточнення поняття і перспективи наукових розвідок., Філософія науки: традиції та інновації. Науковий журнал. – № 2 (12) 2015. – Суми., Вид. СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2015. – С. 152–160.

Information about author:

1. Elena Scherbina-Yakovleva - Doctor of Philosophy, Full Professor, Sumy State University.; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: elena.scherbinayakovleva@gmail.com

